

4605

Лаианский

1284
+

1284
+

Сдѣлки на золотую валюту, какъ средство къ улучшенію бумажнаго денежнаго обращенія.

50009

Изъ сообщенія, напечатаннаго отъ 13-го февраля тек. года въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», сдѣлалось извѣстнымъ, что министръ финансовъ входилъ съ представленіемъ въ государственный совѣтъ о допущеніи, при обязательномъ и неразмѣнномъ, вообще, обращеніи кредитныхъ билетовъ, т. е. бумажныхъ денегъ въ Имперіи, сдѣлокъ, въ видѣ исключенія, на золотую валюту и что, затѣмъ, проектъ этотъ былъ взятъ обратно изъ совѣта, для предварительнаго обсужденія его въ особой комиссіи съ представителями отъ биржевыхъ комитетовъ. Засѣданія комиссіи происходили въ мартѣ мѣсяцѣ. По этому поводу намъ казалось своевременнымъ сообщить русской публикѣ, что намъ извѣстно по обсужденію такого-же вопроса въ Италіи, во время существованія тамъ принудительнаго курса банковыхъ билетовъ (1866—1883). Чтобы уяснить сужденія итальянскаго парламента, необходимо сдѣлать краткое изложеніе тѣхъ основаній, на которыхъ создано и держалось бумажное денежное обращеніе того времени въ итальянскомъ королевствѣ.

До 1866 года въ Италіи денежное обращеніе состояло преимущественно изъ звонкой монеты, золотой и серебряной. Масса денегъ равнялась суммѣ до 1,000 м. лиръ или 250 м. метал. р. Бумажными представителями денегъ были только банковые билеты, размѣнные по предъявленію въ кассахъ банковъ. Сумма ихъ превышала съ небольшимъ 217 м. лиръ. Никакихъ затѣмъ другихъ, исключая мѣдныхъ и мелкихъ серебряныхъ монетъ, а тѣмъ менѣе бумажныхъ знаковъ, въ Италіи не обращалось.

Пять частныхъ и общественныхъ банковъ пользовались, на основаніи своихъ уставовъ, правомъ выпуска билетовъ для производства только краткосрочныхъ операцій.

Выпускъ билетовъ былъ основанъ на общемъ для всѣхъ банковъ коренномъ законѣ, чтобы сумма билетовъ въ обращеніи никогда не могла превышать болѣе чѣмъ втрое находящагося въ кассѣ металлическаго резерва; билеты въ то-же время должны быть обязательно размѣнными на звонкую монету по предъявленію и безъ ограниченія суммы.

Съ конца 1865 г. въ Италіи, кромѣ постоянныхъ съ 1861 г. финансовыхъ затрудненій въ государственномъ хозяйствѣ (дефициты въ размѣрѣ отъ 75 до 90% всей суммы обыкновенныхъ доходовъ), стали обнаруживаться явленія экономическаго и коммерческаго свойства. Значительный возвратъ государственныхъ процентныхъ бумагъ изъ-за границы, потребности въ переводѣ денегъ, усиленные требованія по учету и по ссудамъ, предъявленія билетовъ къ размѣну, всѣ эти причины приводили банки къ крайне натянутому положенію.

Кризисъ приближался съ устрашающимъ наступательнымъ движеніемъ. Въ этихъ обстоятельствахъ и передъ самымъ открытіемъ войны съ Австріей, министръ финансовъ Шіалойя испросилъ 30-го апрѣля у парламента право принять всякія чрезвычайныя мѣры, необходимыя для спасенія и для защиты королевства и для удовлетворенія предстоявшихъ расходовъ. Вслѣдствіе столь широко дарованнаго права, утвержденнаго единогласно, на слѣдующій-же день, 1-го мая 1866 года, появился королевскій декретъ о томъ, что національному банку королевства разрѣшается выпустить для правительства своихъ билетовъ на 250 милліоновъ лиръ, не стѣсняясь закономъ объ одной третей части обезпеченія билетовъ звонкою монетою. Параграфомъ третьимъ этого декрета банкъ избавлялся впредь отъ обязанности размѣнивать свои билеты на звонкую монету. И съ того-же числа всѣ условія, сдѣлки и платежи въ королевствѣ какъ между казною, частными лицами, юридическими лицами и общественными учрежденіями, такъ и обратно, и частныхъ лицъ между собою—должны были совершаться обязательно и исключительно на билеты національнаго банка; всякія другія условія и контракты, съ указаніемъ на платежъ звонкою монетою, должны считаться недействительными. Одно исключеніе сдѣлано было въ пользу самой-же казны; а именно, въ томъ, чтобы таможенныя пошлины были уплачиваемы не иначе, какъ звонкою монетою. Рядомъ съ этимъ $\frac{2}{3}$ изъ всего запаса звонкой монеты, находившейся въ банкахъ, должны были оставаться въ той самой суммѣ во все время принудительнаго курса, безъ всякаго движенія. Обязательный курсъ былъ предоставленъ исключительно билетамъ національнаго банка; всѣ-же прочіе банки, которыхъ было пять, должны были: обмѣнивать свои билеты на звонкую монету или на билеты національнаго банка. Билетамъ этихъ послѣднихъ банковъ предоставленъ былъ только такъ-называемый легальный курсъ и для того, чтобы не истощить ихъ металлической кассы, національный банкъ обязанъ былъ снабжать всѣ эти банки, взаимѣнъ остававшейся у нихъ звонкой монеты, своими билетами.

Послѣдствіемъ принудительнаго курса въ Италіи, какъ и вездѣ, было то, что вся звонкая монета, не говоря уже о золотѣ и крупной серебряной, но даже мелкая монета, не имѣвшая полной цѣны, и, наконецъ, даже мѣдная, немедленно исчезла изъ обращенія. На другой-же день *) послѣ изданія декрета все золото скрылось изъ обращенія: частью оно ушло за границу,

*) Мнѣ посчастливилось быть очевидцемъ этого событія во Флоренціи, столицѣ въ то время королевства.

частью было спрятано частными людьми и послѣдствиемъ декрета явился новый, денежный кризисъ. Съ того времени въ Италіи возникаетъ бумажное денежное обращеніе съ принудительнымъ курсомъ. Выпуски билетовъ за счетъ казны съ 278 м. въ первый годъ (1866) достигли къ 1874 почти до 1-го миллиарда лирь. На этой суммѣ (940 м.) правительство остановилось. Банковое-же обращеніе билетовъ продолжало расти и съ 217 м. л. дошло къ 1874 г. до 633 м. лирь.

Мы не будемъ входить въ подробности и перипетіи денежнаго обращенія во все это время, такъ какъ оно извѣстно и намъ по собственному опыту; но остановимся главнѣйше на разсмотрѣніи спеціальнаго вопроса, поднятаго нынѣ министерствомъ финансовъ *).

Въ первое время итальянскіе суды, разсматривая иски о нарушеніи заключенныхъ условій объ уплатѣ долговъ звонкою монетою, приходили къ разнообразнымъ рѣшеніямъ: нѣкоторые полагали, что, въ силу декрета 1-го мая 1866 г., условія эти становились незаконными; другіе-же, напротивъ, подтверждали, что общій законъ объ обязательной силѣ билетовъ банка не могъ нарушить частнаго права заключать условія, непротивныя кореннымъ законамъ о свободѣ сдѣлокъ. Но мало-по-малу къ концу 1868 года большая часть судовъ и высшія судебныя инстанціи пришли къ одинаковому воззрѣнію—что совершеніе подобныхъ сдѣлокъ, послѣ изданія декрета 1-го мая, становилось, вообще, незаконнымъ. Но, несмотря на это, по давно вкоренившейся привычкѣ, какъ въ южныхъ частяхъ королевства, а именно, въ бывшемъ неаполитанскомъ королевствѣ и въ Сициліи, такъ равно и въ Венеціи, — между частными лицами, особенно въ земледѣльческомъ сословіи, условія сдѣлокъ на звонкую монету продолжали долгое время оставаться въ общемъ народномъ обычаѣ. Независимо отъ этого, публика постоянно тяготилась и сознательно страдала отъ гибельныхъ послѣдствій обязательнаго курса билетовъ. Всѣ его невыгоды были живучи въ памяти и сознаніи у всѣхъ смѣнявшихся министровъ финансовъ и въ заботахъ самого парламента. Не прошло года, чтобы вопросъ объ обязательномъ курсѣ и о способахъ къ его уничтоженію не занималъ палаты. При разсмотрѣніи бюджета 1869 года членъ комиссіи Маурогонато обратилъ уже вниманіе палаты на то, что было-бы полезно допустить сдѣлки на звонкую монету; что этою мѣрою, по его мнѣнію, могли-бы устраниваться многія изъ золъ принудительнаго бумажнаго обращенія и звонкая монета снова могла-бы занять свое мѣсто, какъ орудіе мѣны. Мысль его была сочувственно принята министромъ финансовъ графомъ Камбре-Диньи (Cambrau Digny), который согласился внести въ палату проектъ по этому вопросу. По существу проектъ министра заключался въ слѣдующихъ двухъ статьяхъ:

§ 1. Считаются законными всѣ условія, сдѣлки и контракты, заключенные по изданіи настоящаго закона, для займовъ подъ недвижимыя имущества, съ обезпеченіемъ ипотекою, по которымъ платежъ какъ процентовъ, такъ и капитала обязательенъ звонкою монетою королевства или другою монетою, которая была выдана при заключеніи займа, въ противность § 3 декрета 1866 года.

§ 2. Равномѣрно считаются законными: всякія условія платежей на золотую валюту въ векселяхъ какъ простыхъ, такъ и переводныхъ.

Проектъ этотъ былъ внесенъ при окончаніи сессіи и парламентъ не имѣлъ времени войти въ его разсмотрѣніе.

Въ слѣдующемъ году новый министръ финансовъ Селла представилъ вновь этотъ проектъ на обсужденіе парламента. Палата избрала особую комиссію для разсмотрѣнія проекта въ подробности. Комиссія, съ своей стороны, не только приняла съ одобреніемъ и нашла справедливымъ поддержать предложеніе министра, но дала ему болѣе широкое распространеніе, признавъ, что не слѣдуетъ, вообще, ограничивать частныя права заключать контракты въ какой

бы то ни было формѣ, и не только для векселей коммерческихъ, но и для всякаго рода обязательствъ, заемныхъ писемъ, возникающихъ изъ гражданскихъ сдѣлокъ. Въ своемъ докладѣ комиссія указала, что предоставленіе права требовать уплаты въ монетѣ металлической, даже во время существованія принудительнаго курса, имѣетъ цѣлью и результатомъ опредѣлить точнѣе цѣну сдѣлки или контракта, составляющихъ предметъ условія; а подобнаго рода право должно быть признано за всѣми лицами, заключающими взаимныя условія.

Комиссія указывала на невозможность со стороны правительства устанавливать закономъ цѣну вознагражденія за принимаемыя частными лицами между собою обязательства, услуги, предметы и т. п. Какъ на примѣръ несостоятельности подобнаго рода законовъ, она указала на рѣшеніе французскаго конвента, который для поддержанія цѣны ассигнацій считалъ возможнымъ опредѣлить максимумъ цѣны каждаго предмета. Несмотря на всю строгость взысканій, постановленія конвента не имѣли никакой силы, потому что нѣтъ той власти, которая могла-бы остановить силу или измѣнить дѣйствіе ненарушимаго закона рынка (спроса и предложенія). Поэтому, съ своей стороны, комиссія полагала измѣнить предложеніе министра и представить парламенту проектъ слѣдующаго закона, состоявшаго всего изъ одного параграфа:

«Считаются законными всякія условія, которыя опредѣляютъ платежъ въ металлической монетѣ; самый-же платежъ можетъ быть совершенъ или въ звонкой монетѣ, или билетами по курсу, съ платежемъ лажа, публикуемаго въ биржевыхъ бюллетеняхъ, ближайшихъ ко дню срока платежа».

Сужденія по этому предложенію комиссіи были весьма оживленны и продолжались два дня. Нѣкоторые изъ ораторовъ, какъ, на примѣръ, Маіорана-Калатобіана поддерживали мнѣніе, что разрѣшеніе условій платежа въ звонкой монетѣ повліяло-бы неблагопріятнымъ образомъ на обязательный курсъ билетовъ, если-бы рядомъ съ этимъ не были приняты другія мѣры къ улучшенію основаній денежнаго обращенія, и въ концѣ-концовъ имѣло-бы непремѣннымъ послѣдствіемъ пониженіе достоинства бумажныхъ денегъ. Послѣ двухъ дней самыхъ тщательныхъ обсужденій и споровъ палата присоединилась къ мнѣнію: оставить этотъ вопросъ открытымъ и передать его вновь на разсмотрѣніе бюджетной комиссіи о финансовыхъ средствахъ государства на 1871 г.

Вскорѣ наступившія затѣмъ политическія обстоятельства: открытіе войны въ Европѣ, быстрое возвышеніе лажа на монету, сдѣлали несвоевременной передачу этого проекта вновь на обсужденіе палаты и такимъ образомъ онъ остался безъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія. Затѣмъ вопросъ этотъ находился безъ всякаго движенія до 1874 г. Въ этомъ году, когда уже выпускъ билетовъ національнаго банка въ пользу казначейства достигалъ громаднхъ размѣровъ и приближался почти къ миллиарду (940 мил. лирь=235 м. мет. р.), когда всѣ зловредныя послѣдствія денежнаго обязательнаго обращенія сдѣлались уже болѣе чувствительными и ясными какъ для членовъ парламента, такъ и для публики,—общественное вниманіе сосредоточилось на несправедливомъ, привилегированномъ положеніи одного національнаго банка предъ всѣми прочими, такъ и отчасти на неправильности отношеній этого учрежденія къ казначейству. Министръ того времени Марко-Мингетти вошелъ въ парламентъ съ проектомъ общаго закона о пересмотрѣ банковаго положенія, объ измѣненіи уставовъ и объ упорядоченіи бумажнаго денежнаго обращенія введеніемъ новыхъ основаній къ выпуску банками билетовъ.

Вмѣсто предоставленія обязательнаго обращенія билетовъ одному національному банку, Мингетти предложилъ: изъ всѣхъ банковъ, имѣвшихъ право на выпускъ билетовъ или банковъ эмисіонныхъ, составить одно общество или консорціумъ. Этотъ консорціумъ обязанъ былъ предоставить въ пользу министерства финансовъ или правительства до миллиарда лирь въ банковыхъ, консорціальныхъ или общихъ билетахъ подъ отвѣтственностью не одного, а всѣхъ шести банковъ. Этими билетами банки разсчитывались съ прежнимъ національнымъ банкомъ, который вступилъ по-

*) Финансовое развитіе Италіи, денежное обращеніе, принудительный курсъ и возстановленіе размѣна составляютъ предметъ особаго изслѣдованія, которое появится въ печати въ свое время, особою книгою.

этому въ общія съ другими банками права. Билеты каждаго изъ этихъ банковъ, выпускаемые за свой счетъ, должны были быть обмѣниваемы или на звонкую монету, или на консорціальные билеты, выпущенные въ пользу правительства.

Въ этомъ общемъ законѣ о банкахъ и о денежномъ обращеніи министръ Мингетти предложилъ слѣдующія измѣненія или отступленія отъ закона 1866 года. Измѣненія эти изложены были въ §§ 16, 17 и 18 общаго закона и состояли въ томъ, чтобы освободить задержанные въ банкахъ запасы звонкой монеты и дозволить имъ обращеніе съ извѣстными ограниченіями и затѣмъ, чтобы допустить во всей Италіи свободу сдѣлокъ на звонкую монету, исключительно для векселей торговаго происхожденія. Вотъ эти-то собственно вопросы, изложенные въ трехъ пунктахъ проекта закона о бумажномъ денежномъ обращеніи, и составляютъ предметъ сообщенія, которое имѣетъ интересъ въ настоящее время для русской публики.

I.

Предложеніе свое объ освобожденіи изъ банковъ задержанныхъ въ нихъ суммъ, заключавшихся въ звонкой монетѣ, министръ пояснилъ слѣдующимъ соображеніемъ: финансовыя нужды правительства заставили ввести обязательное денежное обращеніе и выпустить бумажныя деньги въ столь значительной суммѣ, что, кажется, нельзя и подумать въ настоящее время о переходѣ къ свободному размѣну билетовъ на металлическія деньги. Вслѣдствіе сего и самая цѣль сохраненія въ банкахъ резервовъ звонкой монеты становится недостигаемой. Вся монета, находящаяся въ резервахъ банковъ, лежитъ, такимъ образомъ, безъ всякой пользы, непроизводительно; а между тѣмъ суммы эти, состоящія изъ серебра и золота, представляютъ изъ себя значительный капиталъ, около 184-хъ милліоновъ лиръ. Поэтому, освободить въ настоящее время звонкую монету, дать ей способность обращаться плодотворно въ торговлѣ, удовлетворить тѣмъ нуждамъ, которыя такъ настоятельны, и въ такое благоприятное время содѣйствовать уменьшенію лажа, который угрожаетъ еще болѣе усилиться, казалось, было-бы полезнымъ; разумѣется, при благоразумныхъ и осторожныхъ условіяхъ въ употребленіи звонкой монеты. Разрѣшеніе пустить въ оборотъ скрывающіяся втунѣ металлическія деньги, съ запрещеніемъ всякаго другого помѣщенія, кромѣ учета векселей, написанныхъ на золото, или на учетъ вышедшихъ въ тиражъ бумагъ, гарантированныхъ правительствомъ и уплачиваемыхъ также золотою монетою, было-бы достаточнымъ обезпеченіемъ того, что подобнаго рода употребленіе могло бы, при первой надобности, въ короткій срокъ 3-хъ мѣсяцевъ, опять возвратитъ деньги въ прежнее состояніе. Кромѣ того, рядомъ съ этимъ дозволеніемъ, правительство полагало необходимымъ еще другое ограниченіе, а именно: (§ 17) предоставить министру финансовъ право во всякое время потребовать отъ банковъ прекращенія подобнаго рода употребленія суммъ и возвращенія этихъ денегъ снова въ металлическій запасъ. Предложеніе министра было крайне просто и не допускало никакого сомнѣнія. Цѣль его была разрѣшить употребленіе звонкой монеты, лежавшей праздно въ резервахъ банковъ, но съ тѣмъ, однако, чтобы обратное полученіе этой монеты было вполне обезпечено. Изъ этого ясно, что обращеніе золотой монеты могло быть допущено преимущественно для учета векселей, написанныхъ на золото. Но при существованіи закона 1866 года, подобнаго рода употребленіе было-бы незаконнымъ; поэтому необходимо было вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣнить этотъ законъ и предоставить законное право совершать сдѣлки на золотую монету, по крайней мѣрѣ, для векселей торговаго происхожденія. Несмотря на это, предложеніе министра о разрѣшеніи банкамъ пустить въ оборотъ задержанные въ нихъ запасы встрѣтило не мало возраженій. Нѣкоторые изъ членовъ комиссіи опасались, что выпускъ звонкой монеты въ обращеніе еще болѣе усилитъ лажъ и обезцѣнитъ бумажныя деньги и тѣмъ самымъ отдалитъ еще на долгое время возможность постепеннаго уничтоженія обязательнаго денежнаго курса. Кромѣ того, высказывалось сомнѣніе насчетъ возможности скорого обращенія учетнаго

портфеля въ наличныя деньги; но главнѣйшимъ образомъ выражалось опасеніе, что вся звонкая монета, пущенная въ обращеніе, уйдетъ за границу и будетъ окончательно потеряна для страны.

Не раздѣляя высказанныхъ опасеній и сомнѣній, большинство комиссіи выразилось благопріятно за предложеніе министра. Тогда меньшинство, съ своей стороны, согласилось, чтобы мѣра эта была прията, но въ видѣ опыта и чтобы право располагать резервами было дано не на всю сумму, а только на половину. Большинство членовъ комиссіи, несмотря на это, держалось своего заключенія и высказало при этомъ слѣдующее соображеніе: «Если съ перваго взгляда и кажется, что было-бы неудобно оставить банки безъ всякаго запаса въ золотой монетѣ, то при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи окажется, что мѣра эта не представляетъ никакой опасности и никакой бѣды; что, напротивъ, она будетъ способствовать къ уменьшенію тѣхъ недостатковъ обращенія, которые существуютъ въ настоящее время. Требованія отъ банковъ металлическихъ запасовъ имѣли цѣлью сохранить за банками возможность мѣнять свои билеты по предъявленію, но такъ какъ во время принудительнаго денежнаго обращенія банки обязаны мѣнять свои билеты на билеты національнаго банка, выпущенные для государства, то для нихъ важно имѣть не столько запасы въ монетѣ, сколько запасы въ билетахъ, выпущенныхъ тѣмъ банкомъ. Если даже и задаваться заботами о томъ будущемъ времени, когда наступитъ прекращеніе обязательнаго обращенія, и если-бы казалось полезнымъ уже и теперь готовить средства къ упроченію будущаго размѣна банками своихъ билетовъ, то достаточно принять въ соображеніе, съ другой стороны, что самое прекращеніе обязательнаго курса наступитъ не иначе, какъ послѣдствіемъ размѣна билетовъ, выпущенныхъ за счетъ правительства. Поэтому, эти послѣдніе, оставаясь въ резервѣ у банковъ, замѣнятъ звонкой монеты, сдѣлаются размѣнными или ранѣе, или одновременно съ прекращеніемъ обязательнаго курса. Наконецъ, допустимъ предположеніе о возможности постепеннаго сокращенія денежныхъ знаковъ до такой степени, что въ нихъ окажется-бы даже недостатокъ. Были-ли-бы въ этомъ случаѣ банки поставлены отъ этого въ затруднительное положеніе, какъ пополнить свои запасы, необходимыя для обмѣна своихъ билетовъ? Естественнымъ послѣдствіемъ предложенной мѣры было-бы, что банки могли-бы съ особенной легкостью и даже съ большимъ для себя прибыткомъ возстановить свои металлическіе резервы, потому что номинальный курсъ денежныхъ знаковъ тѣмъ менѣе удалялся-бы отъ дѣйствительной цѣны, чѣмъ скорѣе приближался-бы день, въ который начался-бы размѣнъ на звонкую монету. Употребляя свои запасы въ настоящее время, банки воспользовались-бы лажемъ на золото въ 16 проц., между тѣмъ какъ впоследствии могли-бы приобрести его снова, безъ всякаго сомнѣнія, по болѣе дешевой цѣнѣ. Поэтому если, съ одной стороны, обмѣнъ запаса въ звонкой монетѣ на неразмѣнные билеты не можетъ вселять никакихъ опасеній, то, съ другой стороны, онъ не можетъ служить затрудненіемъ ни въ какомъ случаѣ для возстановленія размѣна билетовъ на звонкую монету. Кромѣ того, врядъ-ли можно согласиться, что прибавка къ золоту, существующему въ Италіи, изъ суммъ резервовъ около 200 милліоновъ лиръ могла-бы повліять на пониженіе курса банковыхъ билетовъ. Въ этомъ отношеніи золото, какъ и всякій другой товаръ,—тѣмъ болѣе уменьшается въ цѣнѣ,—чѣмъ въ большемъ количествѣ оно появляется на рынкѣ.

Наконецъ, дальнѣйшимъ успокоеніемъ всѣхъ опасавшихся за послѣдствія этой мѣры служить уже то, что правительство предоставляетъ себѣ право во всякое время, когда это будетъ признано нужнымъ, прекратить употребленіе металлическихъ резервовъ и потребовать ихъ возвращенія изъ операций, средній срокъ которыхъ, какъ учетъ векселей, не можетъ быть болѣе трехъ мѣсяцевъ.

Меньшинство-же комиссіи, съ своей стороны, возражало противъ этихъ соображеній слѣдующими доводами: оно утверждало, что если въ матеріальномъ отношеніи и справедливо, что неупотребленіе или оставленіе безъ дѣйствія звонкой монеты въ банкахъ

равняется тому, что какъ-бы этихъ запасовъ не существовало, то, тѣмъ не менѣе, увѣренность, что въ банкахъ будетъ храниться постоянно, хотя и безъ употребленія, значительная масса золота, имѣющая пропорціональное отношеніе къ количеству обращающихся бумажныхъ денегъ, служить къ уменьшенію лажа и къ поддержкѣ бумажнаго денежнаго обращенія. Эта же увѣренность дѣлаетъ менѣе гадательнымъ предположеніе о возможномъ прекращеніи обязательнаго курса, дѣлаетъ менѣе затруднительнымъ достиженіе этой цѣли въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Кромѣ того, прибавляло меньшинство, разрѣшать обращеніе золота изъ запасовъ банка въ то самое время, когда правительство въ своемъ бумажномъ денежномъ обращеніи достигло уже почти до миллиарда неразмѣнныхъ денежныхъ знаковъ, не основанныхъ ни на какомъ обезпеченіи въ металлѣ, и когда эти-же самые билеты могутъ служить для остальныхъ банковъ запасомъ и обезпеченіемъ для выпуска своихъ билетовъ, — такого рода распоряженіе было-бы даже нарушеніемъ общественнаго довѣрія. Довѣріе къ бумажнымъ знакамъ поколебалось-бы настолько-же, насколько уменьшилась-бы въ существѣ дѣйствительная пропорція бумажнаго обращенія съ извѣстной металлической суммой, находящейся въ постоянной сохранности. Кромѣ того, самое обыденное благоразуміе, казалось-бы, не совѣтовало допускать запасы золота въ такіе обороты какъ учетъ векселей, подверженные болѣе или менѣе возможнымъ случайностямъ и потерямъ въ зависимости отъ разнаго рода коммерческихъ, политическихъ, денежныхъ и другихъ кризисовъ. Нѣкоторые изъ банковъ могли бы даже въ данную минуту создать себѣ искусственно — портфель изъ учета векселей, писанныхъ на золото, допустить пріемъ векселей дружескихъ и пользоваться въ это время золотомъ вовсе не въ коммерческихъ операціяхъ, а играя на курсѣ бумажныхъ денегъ, не представляя никакого ручательства въ томъ, что по первому приказанію министра они могли-бы эти учтенные векселя обратить вновь въ золото. Если-бы эта мѣра и была потребована правительствомъ, то банки, для полученія золота, должны были-бы временно выпустить большее количество билетовъ и покупать на нихъ необходимое золото, что, безспорно, имѣло-бы непосредственное вліяніе на еще большее пониженіе курса бумажныхъ денегъ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ меньшинство комиссіи пришло къ тому заключенію, что допущеніе всѣхъ этихъ предложеній министра, изложенныхъ въ трехъ параграфахъ проекта закона, равнялось-бы постоянному прогрессивному увеличенію лажа на золото или на звонкую монету, послѣ того какъ посредствомъ операцій учета векселей металлическихъ въ государствѣ установился-бы, такъ сказать, правильный дренажъ для вывоза всего золота, которое находится въ сохраненіи въ банкахъ, за границу. Весьма вѣроятно, что въ первые мѣсяцы, когда испробовали-бы это опасное средство, золото, явившееся на рынкѣ, было-бы встрѣчено, какъ давно невидѣнный и желанный гость, съ нѣкоторымъ уменьшеніемъ лажа. Это было-бы не болѣе какъ прощальнымъ привѣтомъ дорогому гостю, посѣтившему временно нашъ рынокъ и уходящему безслѣдно за границу.

Затѣмъ, предоставляя себѣ болѣе подробное изложеніе своихъ доводовъ при обсужденіи этого вопроса въ палатѣ, меньшинство комиссіи выразило убѣжденіе, что всякое освобожденіе металлическихъ запасовъ изъ банковъ даже для векселей на звонкую монету было-бы ничѣмъ инымъ, какъ только средствомъ предоставленія огромной и быстрой наживы малому числу аферистовъ, при значительномъ убыткѣ для большинства гражданъ, чтобы не сказать всей націи. Подобная мѣра была-бы какъ-бы торжественнымъ заявленіемъ со стороны парламента, что онъ отказывается навсегда отъ всякой надежды излечить гнойныя язвы принудительнаго денежнаго курса, подрывающія въ основаніи государственное и частное благосостояніе.

Когда заключенія комиссіи какъ большинства, такъ и меньшинства, были представлены парламенту, то мнѣнія въ парламентѣ крайне раздѣлились и возбудили оживленныя пререканія и споры. Одни изъ чле-

новъ хотѣли уничтоженія всѣхъ трехъ параграфовъ, касающихся этого вопроса: нѣкоторые допускали только освобожденіе металлическихъ запасовъ безъ послѣдующихъ параграфовъ, которые, между тѣмъ, были въ непосредственной связи. Въ числѣ ораторовъ, объявившихъ себя противъ освобожденія запасовъ изъ банковъ были — Ланчія ди-Броло, Бранка, Финци, Майорана и другіе. Защиту приняли на себя Лудзати, Маургонато, Перикали и другіе.

Главное опасеніе, казалось, состояло въ томъ, что все золото, выпущенное изъ банковъ, непременно уйдетъ за границу. Съ другой стороны, на это возражали, что, напротивъ того, легальное допущеніе золота въ обращеніе приманитъ золото изъ-за границы. Нѣкоторые члены выражали сомнѣніе въ томъ, что бумажныя деньги, которыя имѣли въ своемъ основаніи нѣкоторую часть металлическаго запаса, съ выпускомъ этого запаса въ обращеніе, потеряютъ, такъ сказать, свое обезпеченіе. На это отвѣчали, что банковые билеты покоятся не только на запасѣ въ звонкой монетѣ, но обезпечиваются и всѣмъ портфелемъ банка и всѣми его капиталами. Наконецъ, нѣкоторые возражали на это мнѣніе, что банки могли-бы помѣстить свои запасы неосторожно и испытать потери. Противъ этого высказывались, что употребленіе звонкихъ запасовъ было впередъ опредѣлено извѣстными, исключительными операціями учета.

Съ своей стороны, министръ финансовъ Мингетти выражалъ подробнѣе свою мысль, что если эти мѣры представляются недостаточно обезпечивающими, то онъ готовъ допустить и предпочесть всякія другія помѣщенія, болѣе обезпечивающія сохранность звонкой монеты. «Я говорю, напротивъ, — прибавилъ онъ, — что если-бы эти резервы, вмѣсто того, чтобы лежать праздно въ банкахъ, были помѣщены, — скажемъ, — въ самой солидной бумагѣ, въ англійскихъ консоляхъ, то въ чемъ уменьшилось-бы достоинство помѣщенія или обезпеченія, представляемаго резервами для денежнаго обращенія? Между тѣмъ, при всей обезпеченности помѣщенія, банки могли-бы имѣть извѣстные барыши отъ употребленія своихъ запасовъ въ процентныхъ бумагахъ».

Нѣкоторые указывали на необходимость и пользу сохраненія этихъ запасовъ, даже на случай войны. Другіе настаивали на затрудненіяхъ, которыя возникнутъ при недостаткѣ запасовъ для прекращенія обязательнаго курса. На это имъ возражали, что вопросъ о накопленіи капиталовъ въ банкахъ съ военными цѣлями, дѣйствительно, признается многими экономистами за мѣру сомнительной пользы и неподходящую. Что касается прекращенія обязательнаго обращенія билетовъ, то развѣнъ ихъ, если разсуждать о немъ серьезно, не представляется возможнымъ раньше того времени, когда общія условія и обстоятельства денежнаго рынка естественнымъ образомъ не повліяютъ на возвышеніе курса и постоянство цѣны бумажныхъ денежныхъ знаковъ, сравнительно съ золотомъ.

Для соглашенія столь противоположныхъ мнѣній имѣвшихъ каждое свою долю относительной правды, докладчикъ этой комиссіи, депутатъ Де-Лука, сдѣлалъ съ своей стороны слѣдующую поправку:

Принимая во вниманіе основательность мнѣній, какъ одной стороны, такъ и другой, я считаю своимъ долгомъ предложить слѣдующую поправку къ закону: принять мѣру, предлагаемую министромъ финансовъ въ видѣ опыта, и для этого освободить [на первое время не весь металлическій запасъ, а только одну четвертую его часть, затѣмъ другую такую-же часть освободить чрезъ годъ.

«Предложеніе мое, — говорилъ онъ, — имѣло-бы то преимущество, что въ случаѣ, если-бы опытъ оказался неблагоприятнымъ, то министерство имѣло-бы право, во всякое время, прекратить силу этого распоряженія».

При рассмотрѣніи проекта закона и мнѣній комиссіи возникли нѣкоторыя новыя предложенія, въ числѣ которыхъ было, между прочимъ, мнѣніе о передачѣ всего металлическаго запаса въ распоряженіе казны, съ тѣмъ, чтобы правительство возвратило эту сумму банкамъ по прекращеніи обязательнаго денежнаго курса. Въ теченіи-же этого времени правительство могло-

бы, располагая значительнымъ запасомъ звонкой монеты, болѣе или менѣе вліять въ данный моментъ на поддержаніе курса и на обезпеченіе денежнаго обращенія.

Депутатъ Бранка, съ своей стороны, говорилъ, что, если правительство рѣшится пустить въ обращеніе металлическіе запасы, то банки должны будутъ съ своей стороны оставлять у себя въ резервѣ неразмѣнные бумажныя деньги правительства. Что-же будетъ съ банками тогда, когда правительство признаетъ необходимымъ возвратитъ всю выпущенную въ обращеніе звонкую монету обратно въ банки? Банки обязаны будутъ выдать за золото неразмѣнные бумажныя знаки, которые сразу появятся на рынкѣ и станутъ вновь подавлять цѣнность бумажныхъ знаковъ.

Депутатъ Сейсмидъ Дода, въ послѣдствіи министръ финансовъ, принадлежавшій къ меньшинству коммисіи, изложилъ весьма подробно соображенія свои о невыгодѣ и вредѣ предполагаемой мѣры. Онъ указалъ, между прочимъ, на примѣръ Соединенныхъ Штатовъ. Президентъ Штатовъ Улисъ Грантъ, въ письмѣ своемъ къ г. Коудрей, во время самаго сильнаго пониженія бумажныхъ денегъ въ Америкѣ, излагалъ слѣдующее мнѣніе: «Я признаю, — говорилъ Грантъ, — что крайне желательно было-бы образовать извѣстный запасъ металлическихъ денегъ. Запасъ этотъ служилъ-бы весьма солиднымъ основаніемъ на случай необходимости. Всегда хорошо имѣть въ накопленномъ состояніи такой предметъ, который, прежде всего, имѣетъ неизмѣняемую цѣнность. Такимъ предметомъ преимущественно служатъ деньги и если-бы имѣть огромный запасъ ихъ, то наше постепенное шествіе къ возвышенію курса бумажныхъ денегъ становилось-бы значительно быстрѣе!».

Настаивая, преимущественно, на уничтоженіи изъ проекта закона § 16 объ освобожденіи металлическихъ резервовъ, Дода прибавилъ: «Господа, я того мнѣнія, что освобожденіе металлическихъ резервовъ изъ банковъ и признаніе законности заключенія сдѣлокъ на золотую монету, даже только для векселей, было-бы ничѣмъ инымъ, какъ обезцѣненіемъ или демонетизаціею бумажныхъ денегъ. Этою мѣрою мы положимъ новое затрудненіе къ прекращенію принудительнаго курса. Я вполне вѣрю, что подобная мѣра была-бы чистымъ ограбленіемъ одной части гражданъ въ пользу другихъ немногихъ — и для меня это все равно, что удалить навсегда ту цѣль, къ которой мы здѣсь всѣ стремимся, — къ свободному, размѣнному денежному обращенію. Но такъ какъ мы всѣ здѣсь не можемъ придти къ соглашенію, какимъ образомъ и какими мѣрами уничтожить общественное зло обязательнаго денежнаго курса, то я не могу, при этихъ обстоятельствахъ, принять на себя отвѣтственности за отдаленіе нашей желаемой цѣли. Каковы-бы ни были предпринимаемыя мѣропріятія къ постепенному и осторожному введенію этой операціи освобожденія запасовъ, всѣ онѣ только уменьшаютъ въ нѣкоторой степени зло, но не уничтожаютъ его окончательно: потеря безспорно будетъ меньше при освобожденіи только одной четвертой части; но потери все-таки будутъ и, кромѣ матеріальной потери милліоновъ, которые будутъ освобождены изъ запасовъ, я считаю долгомъ своимъ заявить, что главное и существенное заблужденіе состоитъ въ искусственномъ обезцѣненіи бумажныхъ денегъ сравнительно съ золотомъ и въ нарушеніи основныхъ экономическихъ началъ».

Но, несмотря на всѣ возраженія, приведенныя въ палатѣ, министерство, съ своей стороны, приняло поправку Де-Лука и въ этомъ видѣ законъ прошелъ большинствомъ въ палатѣ депутатовъ.

Проектъ этого закона докладывался въ сенатѣ депутатомъ Лампертико, который въ своемъ заключеніи высказалъ слѣдующее:

«Хотя законъ и принятъ съ нѣкоторыми условіями постепенности въ освобожденіи металлическихъ резервовъ и съ осторожными мѣрами возможнаго со стороны министра финансовъ требованія обратнаго возвращенія звонкой монеты въ резервы изъ операцій; но я все-таки полагаю, что освобожденіе этихъ резервовъ не будетъ имѣть послѣдствіемъ тѣхъ опасеній, которыя были высказаны въ палатѣ депутатовъ, и въ

тоже время не произведетъ никакого улучшенія въ денежномъ обращеніи, ни уменьшенія лажа, какъ на это разсчитываютъ защитники закона».

Сенатъ принялъ проектъ министра безъ возраженій, а время и опытъ оправдали предсказанія депутата Лампертико.

II.

Мы до сихъ поръ приводили мнѣнія какъ отдѣльныхъ коммиссій, такъ и палаты собственно по вопросу объ освобожденіи металлическихъ резервовъ, находившихся въ банкахъ вслѣдствіе закона 1-го мая 1866 года. Въ связи съ этимъ предложеніемъ министра, въ проектѣ закона 1874 года, о которомъ идетъ рѣчь, находился § 18, по которому предполагалось разрѣшить въ государствѣ заключать сдѣлки и совершать условія на звонкую монету, въ противность закону 1-го мая. Ранѣе мы упоминали о проектѣ, который былъ внесенъ въ 1870 году и который съ того времени оставался открытымъ. Въ новомъ предложеніи министра финансовъ дѣло шло уже не о заключеніи всякаго рода сдѣлокъ на звонкую монету; но исключительно о сдѣлкахъ въ формѣ коммерческихъ векселей. Въ проектѣ министра финансовъ, напротивъ, тщательно были исключены всякія условія о займахъ подъ залоги недвижимой собственности, о которыхъ, преимущественно, заботился бывшій министръ Камбре-Диньи. По этому предмету мы остановимся на нѣкоторыхъ причинахъ, по которымъ прежнее предложеніе было оставлено. Когда толковали о возможности займовъ на долгіе сроки, подъ залогъ недвижимой собственности, то въ особенности имѣлось въ виду положеніе кредитора или капиталиста, который, отдавая свои деньги на долгій срокъ, не зналъ и не могъ знать, сколько, черезъ извѣстное время, получитъ онъ въ уплату, — можетъ быть $\frac{1}{10}$ или $\frac{1}{5}$ менѣе, вслѣдствіе паденія денежнаго курса на бумажныя деньги. Вслѣдствіе такого неудобства или невозможности ссуженія денегъ, казалось справедливымъ — предоставить въ этого рода займахъ обезпеченіе кредитору, что онъ получитъ лѣтъ чрезъ двадцать ту-же самую сумму, которую онъ далъ своему должнику, несмотря ни на какое паденіе или измѣненіе въ денежномъ курсѣ въ теченіи этого времени. Такая забота о кредиторѣ имѣетъ нѣкоторое основаніе. Но спрашивается, съ другой стороны: въ какомъ положеніи находится дебиторъ или занимающій деньги и чѣмъ обезпечиваетъ законъ его положеніе? Если по окончаніи срока займа, дебиторъ обязывается возвратитъ занятую сумму тою-же металлическою валютою, которая дана была ему взаймы, и если онъ за нее долженъ будетъ платить процентовъ на двадцать болѣе, чѣмъ было въ то время, когда онъ занималъ, то спрашивается: гдѣ-же будетъ справедливость подобнаго закона? Положеніе должника и положеніе кредитора, какъ мнѣ кажется, одинаковы съ внѣшней стороны, но, въ дѣйствительности, крайне различны. Кредиторъ или владѣлецъ капитала знаетъ, когда онъ отдаетъ свои деньги взаймы. При такихъ условіяхъ чего-бы онъ могъ лишиться, останавливаясь въ ссуженіи капитала при неувѣренности въ цѣнѣ денегъ? Только того, что деньги его пролежали-бы болѣе или менѣе продолжительное время безъ употребленія. Совершенно въ другомъ положеніи находится должникъ. Онъ занимаетъ по необходимости и въ день платежа невольно долженъ подчиниться тому курсу, который существуетъ на рынкѣ. Въ 1870 году, когда этотъ законъ обсуждался въ коммисіи, сначала по предложенію Камбре-Диньи, а потомъ по предложенію Селлы, узаконеніе сдѣлокъ на звонкую монету встрѣтило множество основательныхъ возраженій, особенно въ примѣненіи къ долгосрочнымъ займамъ.

Въ этомъ отношеніи должно сознаться, что опасенія коммисіи были совершенно основательны. По этому, министерство въ 1874 году не поднимало уже вновь этого вопроса, а предложило установить законность сдѣлокъ на звонкую монету, исключительно для векселей коммерческихъ. Предложеніе министра опять было передано на заключеніе новой парламентской коммисіи. Мнѣнія этой коммисіи раздѣлились: большинство приняло благопріятно предложеніе министерства и даже, съ своей стороны, прибавило, что пред-

лагаемая мѣра должна была -бы распространиться, кромѣ векселей, на всѣ текущіе счета въ банкахъ и на всѣ вклады какъ въ банкахъ, такъ и въ сберегательныхъ кассахъ, потому что было-бы, по мнѣнію комиссіи, несправедливо лишать человѣка, имѣющаго золото, возможности отдавать его въ банкъ и не имѣть права требовать возврата въ той-же монетѣ. Поэтому, комиссія предлагала въ проектѣ закона къ § 18-му прибавить выраженіе, что, кромѣ векселей, мѣра эта распространяется на текущіе счета и на вклады въ банкахъ и сберегательныхъ кассахъ. Въ окончательномъ докладѣ своемъ большинство комиссіи вошло въ подробности тѣхъ соображеній, которыя привели его къ заключенію о пріемѣ закона со сдѣланною поправкою.

Одно изъ главныхъ золъ обязательнаго курса, говорили они, состоитъ въ постоянномъ, неопредѣленномъ колебаніи цѣны бумажной денежной единицы. Эта переменчивость покупной силы бумажныхъ денегъ парализуетъ большую часть торговыхъ сдѣлокъ, разрушаетъ въ народѣ духъ предусмотрительности и умѣренныхъ требованій отъ жизни въ массахъ, пріучая ихъ къ быстрой наживѣ и къ разнаго рода спекуляціямъ и продѣлкамъ. Самые банки тѣмъ болѣе выигрываютъ, чѣмъ больше расширяютъ свое денежное обращеніе, даже въ операціяхъ сомнительнаго свойства. Вслѣдствіе такихъ злоупотребленій денежнаго обращенія всѣ сдѣлки имѣютъ характеръ случайности и приносятъ всѣмъ заключающимъ ихъ или непередвидѣнныя потери, или неожиданныя прибыли.

«Допустимъ, — говорили они, — что сдѣлка заключена въ 1869 году на срокъ трехъ лѣтъ. Въ подобномъ случаѣ кредиторъ въ настоящее время терялъ-бы 12 проц. изъ своего капитала, потому-что въ это время курсъ на бумажныя деньги съ 4 проц. упалъ на 16 проц. Всякій легко можетъ себѣ представить, какое потрясеніе происходитъ отъ неувѣренности въ цѣнѣ бумажныхъ денегъ и какъ во всякихъ сдѣлкахъ, при которыхъ платежъ отодвигается на нѣкоторое болѣе или менѣе отдаленное время, продавцы и покупщики должны включать въ свою цѣну нѣчто болѣе или менѣе неопредѣленное, смотря по тому, рассчитываютъ-ли они на пониженіе, или на повышеніе курса бумажныхъ денегъ. Комиссія, съ своей стороны, не могла совѣтывать распространять эту мѣру на всякаго рода контракты и обязательства, какъ это предлагали нѣкоторые; но не встрѣчала, между тѣмъ, никакого препятствія примѣнить ее только къ сдѣлкамъ по коммерческимъ векселямъ. Въ этомъ примѣненіи она не видитъ никакой опасности и никакого неудобства; напротивъ, по ея мнѣнію, и государство, и частныя лица будутъ имѣть при этомъ значительную пользу. Торговля золотомъ существуетъ въ Италіи и при обязательномъ денежномъ курсѣ. Въ самомъ дѣлѣ, и государство покупаетъ золото для уплатъ по своимъ обязательствамъ какъ за-границей, такъ и внутри королевства. Золотомъ-же должна запасаться и торговля — или для платежей таможенныхъ пошлинъ, или для оплаты своихъ товаровъ, выписываемыхъ изъ-за границы. Въ золотѣ нуждаются болѣе или менѣе многоразличные виды ремесленной и фабричной промышленности и, наконецъ, золота ищутъ всѣ тѣ, которые или по необходимости, или для своего удовольствія, уѣзжаютъ за-границу. Чего-же болѣе, — сами биржи обязаны ежедневно публиковать курсъ звонкой монеты. Если законъ лишаетъ законнаго права сдѣлки на золото, то личная честность договаривающихся обходится и безъ силы закона. Настоящее запрещеніе закона нисколько не можетъ и не могло-бы мѣшать, ни въ какомъ случаѣ, сдѣлкамъ покупки и продажи золота. Но законъ этотъ тѣмъ и несправедливъ, что онъ даетъ право только безсовѣстному должнику не платить принятаго имъ на себя обязательства. Мы могли-бы если не оправдать, то, по крайней мѣрѣ, объяснить себѣ мнѣніе тѣхъ, которые поддерживаютъ не-дѣйствительность обязательствъ на звонкую монету, въ томъ случаѣ только, если-бы торговля золотомъ могла быть прекращена въ силу закона; но въ то время, когда эта торговля существуетъ и удовлетворяетъ потребностямъ всѣхъ и болѣе всего самого пра-

вительства, было-бы безуміемъ думать, что можно уничтожить эту торговлю постановленіями законовъ.

Многіе опасаются, что разрѣшеніе сдѣлокъ на звонкую монету пробудитъ особенное требованіе на золото и что золото будетъ уходить за границу. Но будутъ-ли условія платежа звонкой монетой признаваемы законными, или нѣтъ, все золото, находящееся въ Италіи, которое уходить за границу, будетъ всегда равняться той необходимой суммѣ, которая нужна для покрытія разницы между привозомъ и отпускомъ, разницы между покупкой и продажей процентныхъ бумагъ на нашихъ и иностранныхъ рынкахъ, разницы въ расходахъ между пріѣзжающими къ намъ и итальянцами, которые уѣзжаютъ за границу. Эти причины не могутъ быть ни увеличены, ни уменьшены законами, разрѣшающими или запрещающими платежи въ золотой валютѣ.

Мы понимаемъ, что можно было-бы опасаться за вывозъ золота за границу, если-бы на этотъ товаръ былъ бѣльшій спросъ за границею, нежели у насъ; но положеніе оказывается совершенно обратнымъ. Поэтому мы имѣемъ полное основаніе надѣяться, что съ допущеніемъ этой мѣры золото появится у насъ и прійдетъ къ намъ изъ заграницы. Если иностранные капиталисты будутъ увѣрены, что получаютъ больше вознагражденія на свои капиталы въ Италіи, то они придутъ на наши рынки, когда будутъ увѣрены притомъ, что, независимо отъ вѣрности уплаты со стороны должника, они могутъ получить свой капиталъ обратно въ томъ-же видѣ, въ какомъ они ввезли его въ Италію, то есть въ золотой валютѣ. Вопросъ этотъ поднимается не въ первый разъ въ палатѣ; о немъ уже толковали и въ 1870 году. Но въ то время всѣ вѣрили въ близость момента, когда размѣнъ сдѣлается свободнымъ, и въ этомъ пріятномъ заблужденіи вопросъ этотъ былъ отложенъ до поры до времени. Но теперь онъ является снова и комиссія полагаетъ, что при измѣнившихся обстоятельствахъ парламентъ приметъ § 18 въ томъ видѣ, какъ онъ предложенъ комиссіею».

Съ другой стороны, меньшинство комиссіи требовало, чтобы заключеніе ея было предъявлено со всѣми соображеніями, высказанными въ ея средѣ. Во время общихъ преній по этому закону защитниками предложенія министерства явились извѣстные депутаты Лудзати и Маурогонато, а, напротивъ, яркими противниками были Майорана и Бранка. Кромѣ того, во время преній по § 18 къ оппозиціи присоединились многіе изъ депутатовъ. Въ своей подробной защитѣ и поддержкѣ правительственнаго предложенія депутатъ Лудзати сослался на примѣръ Америки. Онъ указывалъ на то, что въ Америкѣ былъ запрещенъ вывозъ золота не только подъ страхомъ значительнаго денежнаго взысканія, но и подъ страхомъ заключенія въ тюрьму и, несмотря на это, лажъ на золото поднялся въ это время до 30 проц. Затѣмъ разрѣшены были сдѣлки на золото и въ 1870 году дозволено было банкамъ выпускать свои билеты на звонкую монету и въ то время лажъ упалъ. Онъ пояснилъ, что, напротивъ, тамъ, гдѣ металлическое денежное обращеніе имѣло мѣсто рядомъ съ обращеніемъ бумажнымъ, первое не уменьшало цѣны послѣдняго, а, напротивъ, поднимало его курсъ. Изъ этого слѣдуетъ, что узаконеніе сдѣлокъ на звонкую монету въ Италіи непременно будетъ сопровождаться тѣми-же благоприятными результатами, какъ и въ Америкѣ, и что въ особенности можно надѣяться, что золото будетъ вновь ввозимо изъ-за границы въ Италію и на рынкѣ покажется то золото, которое скрывается теперь въ частныхъ сбереженіяхъ, въ шкатулкахъ и кубышкахъ народа.

Депутатъ Маурогонато, кромѣ прежнихъ своихъ доводовъ въ пользу этой мѣры, указалъ, между прочимъ, на то, что сверхъ выгоды, о которыхъ говорили другіе, онъ видитъ въ этой мѣрѣ еще ту пользу, что она прекратитъ игру и сдѣлки на курсъ на биржѣ и, вообще, будетъ имѣть уже то достоинство, что узаконитъ святость всякаго рода контрактовъ и сдѣлокъ; наконецъ, богатые люди въ Италіи, которые помещаютъ теперь свои золотыя капиталы въ иностранныхъ банкахъ, не будутъ уже въ необходимости высылать свои капиталы за границу, а, напротивъ того,

капиталисты иностранные почувствовали-бы всю выгоду помѣщенія капиталовъ въ Италиі.

Со стороны меньшинства на это было возражено, ссылаясь на тотъ-же примѣръ Америки, что если, дѣйствительно, второй конгрессъ узаконилъ сдѣлки на золотую монету, то сдѣлалъ это уже въ то время, когда бумажное денежное обращеніе въ Америкѣ дошло до весьма умѣренныхъ размѣровъ, такъ что не было никакой опасности допустить рядомъ съ нимъ денежное металлическое обращеніе; что меньшинство комиссіи само, съ своей стороны, готово было-бы принять предложеніе министра, если-бы въ Италиі бумажное денежное обращеніе оставляло свободное мѣсто для металлическаго, но что, напротивъ того, при огромномъ количествѣ бумажныхъ неразмѣнныхъ знаковъ, обращающихся только въ силу принудительнаго курса, присутствіе звонкой монеты въ обращеніи могло-бы служить во время паники новымъ и усиленнымъ поводомъ для денежнаго потрясенія. Депутатъ Майорана, который также былъ противъ этой мѣры, припомнилъ весьма оживленные пренія 1870 года и, указавъ на то, что комиссія рѣшила оставить этотъ вопросъ открытымъ, обратилъ вниманіе палаты, что съ того времени можно судить, какое-бы оказалось теперь вредное дѣйствіе закона о допущеніи сдѣлокъ на звонкую монету, если-бы законъ былъ принятъ. Въ 1870 году лагъ на золото былъ только 4%, а въ 1874 году онъ уже достигъ 16%. Въ какомъ положеніи оказались-бы всѣ лица, заключившія сдѣлки въ то время?

Возражая далѣе противъ проекта закона, онъ выразился, что, по его мнѣнію, было-бы предпочтительнымъ допустить всякаго рода контракты на золото, еслибы въ то-же время была принята какая либо мѣра къ улучшенію денежнаго бумажнаго обращенія.

При специальномъ обсужденіи § 18-го, одинъ изъ депутатовъ, именно Мусси, крайне напалъ на высказанное предъ нимъ мнѣніе, что золото, войдя въ обращеніе, подѣйствуетъ на повышеніе курса бумажныхъ денегъ. По его мнѣнію, напротивъ того, золото окончательно бы понизило курсъ бумажныхъ денегъ и бумажное денежное обращеніе перешло-бы, такъ сказать, въ низшія сферы народа. Съ своей стороны, онъ также скорѣе понималъ-бы законность всѣхъ сдѣлокъ на золото, но считалъ эту мѣру опасною и полагалъ, что, быть можетъ, было-бы справедливѣе допустить платежъ золотомъ только въ извѣстной части общаго платежа такъ, напримѣръ, $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{5}$ и что можетъ быть этимъ способомъ, дѣйствительно, можно было-бы надѣяться на нѣкоторый приливъ золота въ Италию; но, во всякомъ случаѣ, на сумму не большую той, на которую давалъ-бы основаніе перевѣсъ отпуска продуктовъ итальянской промышленности надъ ввозомъ иностранной.

Послѣ нѣкоторыхъ другихъ возраженій противъ мѣры докладчикъ комиссіи Мецаноти сдѣлалъ краткій сводъ всѣхъ разнорѣчивыхъ мнѣній и пришелъ къ слѣдующему заключенію: комиссія полагаетъ, что было-бы крайне необходимо вызвать тѣмъ или другимъ способомъ возможность находенія звонкой монеты въ народномъ обращеніи, потому что между всѣми поводами къ существованію лажа, безспорно, главный составляетъ отсутствіе или недостатокъ звонкой монеты въ обращеніи. Комиссія, съ своей стороны, находила, что, можетъ быть, слѣдовало бы дать проекту министра болѣе широкое примѣненіе; но, опасаясь быстрого и рѣзкаго перехода, полагала болѣе правильнымъ согласиться съ предложеніемъ въ томъ видѣ, какъ оно изложено въ проектѣ.

Согласно заключеніямъ докладчика, § 18 былъ принятъ въ палатѣ депутатовъ и затѣмъ въ сенатѣ.

На самомъ дѣлѣ, опытъ допущенія сдѣлокъ на звонкую монету и опытъ освобожденія металлическихъ резервовъ для обращенія въ извѣстнаго рода операціяхъ, не привели къ ожидавшемуся результату. Изъ всѣхъ банковъ только одинъ національный употребилъ свой металлическій запасъ на учетъ векселей, писанныхъ на звонкую монету; но операціи его состоялись въ крайне ничтожныхъ размѣрахъ. 31-го декабря 1875 года въ портфель банка находилось такихъ векселей на 3,900,000 лиръ; въ слѣдующемъ 1876 году сумма ихъ равнялась 1.800,000 лиръ, а въ 1877 г. упала до 900,000 лиръ. Такимъ образомъ, результатъ

не подтвердилъ розовыхъ ожиданій защитниковъ и не оправдалъ опасеній противниковъ закона. Всѣ соображенія, высказанныя разными депутатами и особенно экономистами, которые смотрѣли на законъ болѣе съ точки зрѣнія науки, остались весьма интересными и абстрактно правильными въ области академическихъ сужденій по вопросу. Въ практическомъ же примѣненіи законъ, вышедшій результатомъ этихъ преній, остался мертвымъ порожденіемъ идей, не отвѣчавшихъ ни потребностямъ жизни той эпохи, ни общимъ интересамъ народа. Собственная осторожность благоразумныхъ должниковъ не позволяла имъ пустаться на рискованное дѣло заключенія сдѣлокъ по обязательному курсу въ то время, когда бумажное денежное обращеніе являлось результатомъ неустановившагося, разстроеннаго финансоваго хозяйства государства и народной задолженности Италиі передъ иностранными своими кредиторами.

Несмотря на предоставленное банкамъ право помѣстить часть своихъ звонкихъ занасовъ въ операціи учета векселей, несмотря на разрѣшеніе всѣмъ заключать краткосрочныя сдѣлки на золотую валюту, золотая монета не появилась и не держалась въ народномъ обращеніи, рядомъ съ обязательными бумажными деньгами; еще менѣе притекало золото изъ-за границы для обращенія въ качествѣ звонкой монеты. Бумажное денежное обращеніе оставалось, какъ и прежде, господствующимъ. Колебанія курса не прекратились. Лагъ на золото, указывая на потери, представляемые бумажными деньгами, продолжалъ и послѣ допущенной свободы сдѣлокъ обнаруживать прежнюю неустойчивость.

Въ процентномъ отношеніи онъ колебался между

9,5%	и	16,85%	въ	1874	г.
6,4	»	»	»	10,8	»
7,25	»	»	»	9,65	»
7,65	»	»	»	13,75	»
7,9	»	»	»	11	»
9	»	»	»	14,8	»
2,1	»	»	»	13	»

Оно и понятно: тамъ, гдѣ бумажный представитель денегъ теряетъ въ силу закона свою размѣнность и становится самъ бумажною денежною единицею, звонкая монета утрачиваетъ присущій только ей одной характеръ общаго орудія мѣны и мѣноваго посредника на рынкѣ. Рядомъ съ обязательными бумажными деньгами звонкая монета сохраняетъ за собою значеніе товара, оцѣниваемого въ обязательныхъ бумажныхъ деньгахъ, на основаніи общаго закона спроса и предложенія. Звонкая монета какъ туземная, такъ и иностранная, при бумажномъ денежномъ обращеніи, съ самаго момента прекращенія размѣна и превращенія бумажнаго представителя денегъ въ деньги и денежную единицу, — превращается *eo ipso* изъ монеты въ медали той-же пробы и того-же вѣса. Въ этомъ видѣ, она можетъ быть предметомъ купли и продажи, можетъ уходить, по преимуществу, за-границу (потому что обыкновенно бумажныя деньги увеличиваются въ суммѣ выпуска), можетъ, при извѣстныхъ торговыхъ потребностяхъ, притекать въ страну, съ цѣлью быть тамъ купленной и обмѣненной на бумажныя деньги; но не можетъ имѣть, какъ говорится, *хожденія, какъ монета*, и служить орудіемъ мѣны.

Какъ на примѣръ такого прилива звонкой монеты и металла, помимо всякаго разрѣшенія сдѣлокъ на золотую валюту, при полномъ господствѣ обязательнаго курса, мы можемъ указать на Россію въ эпоху 1867 и слѣдующихъ до 1875 годовъ. Государственный банкъ привлекъ въ это время свыше 167 м. руб. по нарицательной цѣнѣ звонкой монеты и положилъ ее въ металлическій фондъ, доведя этотъ послѣдній до 231 слишкомъ милліона рублей, суммы, до которой фондъ металлическій не достигалъ никогда въ Россіи ни до того времени, ни впослѣдствіи. (1888 г.)

Подъ обезпеченіе этого запаса банкъ выпустилъ, на основаніи кореннаго закона о денежномъ обращеніи (1843 г.), на такую-же сумму 167 м. р. кредитныхъ билетовъ рубль за рубль, покрывъ лагъ на проданный ему металлъ изъ прибылей банка, безъ всякаго ущерба для государственнаго казначейства и безъ вреда для денежнаго обращенія, равно какъ безъ увеличенія долга государства за кредитные билеты.

До какой степени приливъ этотъ вызванъ былъ по-

требностями торговли, можно судить изъ средняго вексельнаго курса на Парижъ и Лондонъ: въ 1867 г.—340 и $32^{15/16}$ п., въ 1868 г.—344 и $32^{27/32}$; въ 1869 г.—320 и $30^{37/64}$; въ 1870 г.—308 и $29^{3/4}$; въ 1871 г.—348 и 32; въ 1872 г.—348 и 32; въ 1873 г.—344 и $32^{7/16}$; въ 1874 г.—349 и $33^{5/16}$; въ 1875 г.—345 и 32 п.

Обращаясь къ Италиі, нельзя не убѣдиться, что разсмотрѣнныя нами статьи закона 1874 г. о сдѣлкахъ на золотую валюту не привели къ ожидаемымъ результатамъ. Тѣмъ не менѣе, законъ 1874 г. о бумажномъ обращеніи въ общемъ своемъ составѣ (въ немъ всего до 35 статей) внесъ новыя и прочныя основанія въ денежное обращеніе, въ операціи банковъ и, вообще, укрѣпилъ довѣріе страны и иноземныхъ кредиторовъ Италиі къ лучшей финансовой будущности государства.

Законъ этотъ, прежде всего, положилъ предѣлъ выпуску консорціальныхъ билетовъ со стороны банковъ, для правительства, ограничивъ его суммой до миллиарда лиръ (250 мил. р. метал.). Правительство воспользовалось только 940 мил. лиръ, обезпечивъ всю сумму залогомъ 5 проц. государственной ренты. Билеты консорціальные, выпущенные для казны всѣми банками въ совокупности, должны были отличаться и по наружному виду, и по размѣрамъ суммъ отъ билетовъ, выпускаемыхъ каждымъ банкомъ въ отдѣльности, для производства своихъ операцій. Выпуску банковыхъ билетовъ былъ также положенъ предѣлъ.

Кромѣ прежняго ограниченія относительно нахождения въ кассѣ банка постоянно не менѣе одной трети части въ звонкой монетѣ, новый законъ требовалъ, чтобы сумма выпущенныхъ билетовъ ни въ какомъ случаѣ не превышала болѣе чѣмъ втрое суммы внесеннаго основнаго капитала.

Далѣе, законъ 1874 года подчинилъ банки болѣе строгому правительственному надзору, установилъ между ними правильный порядокъ взаимнаго обмѣна своими билетами, точнѣе опредѣлилъ силу и значеніе легальнаго обращенія билетовъ и уравнивалъ всѣ банки въ сношеніяхъ ихъ съ казначействомъ, возбуждавшихъ столько нареканій противъ привилегированнаго положенія національнаго банка.

Наконецъ, этотъ-же законъ ввелъ окончательно энергическія мѣры къ искорененію и къ изытію изъ обращенія мелкихъ бумажныхъ денегъ, своевольно выпущенныхъ разными маленькими банками, городами, торговыми обществами, заводчиками и даже неизвѣстными частными лицами. Подобнаго рода бумажная мелочь была выпускаема во время исчезновенія мелкой монеты, въ періодъ принудительнаго курса, и наводнила собою Италию, къ крайнему ущербу, въ концѣ-концовъ, самаго бѣднаго населенія. Сумма такихъ знаковъ, изъ которыхъ множество никогда не было уплачено, доходила, по исчисленію, примѣрно до 40 мил. лиръ.

Въ заключеніе, законъ обязалъ министровъ финансовъ и земледѣлія и торговли, которымъ подчинены были банки, представлять ежегодно подробные отчеты объ операціяхъ и поручилъ выработать свои соображенія о мѣрахъ къ уничтоженію обязательнаго курса и къ переходу къ размѣнному, свободному денежному обращенію.

Рядомъ съ этими основательными и прочными мѣрами и благоразумными внушеніями въ Италиі съ 1875 г. происходило новое явленіе въ финансовомъ хозяйствѣ государства.

Послѣ 13-ти-лѣтняго періода постоянныхъ дефицитовъ, въ бюджетѣ зарождаются съ конца 1875 года, подобно сну Фараона о 7-ми тощихъ и 7-ми дородныхъ коровахъ, новый періодъ гѣдовъ, съ превышеніями обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами.

Такое измѣненіе въ финансовомъ положеніи Италиі являлось результатомъ цѣлаго ряда послѣдовательныхъ, энергическихъ мѣръ къ строгому обложенію налогами и пошлинами всякаго рода доходовъ: съ поземельнаго имущества, съ строеній, съ движимаго богатства, съ профессиональнаго труда, со всякаго рода гражданскихъ и торговыхъ дѣлъ, предметовъ потребленія и даже капиталовъ.

Финансовыя нужды государства преобладали надъ экономическими соображеніями. Энергія правитель-

ства, патриотизмъ народа, принесеніе въ жертву интересовъ корпорацій и послѣдовательность въ преслѣдованіи цѣли-упроченія единства и развитія гражданскихъ, политическихъ и экономическихъ силъ оставили за собою плоды, которыми можно было воспользоваться для возстановленія нарушенныхъ основаній правильнаго денежнаго обращенія.

Съ 1876 г., по вступленіи въ кабинетъ людей либеральной партіи, изъ лѣвой стороны съ Депретисомъ во главѣ, начинается постоянный трудъ изученія способовъ къ прекращенію обязательнаго курса. Вопросъ этотъ уже не сходилъ съ очереди, до окончательнаго его разрѣшенія, въ 1880 г. Первые проекты Депретиса и Сейсмита Дода имѣли въ виду постепенный выкупъ билетовъ, съ назначеніемъ ежегодно известной суммы (20 мил.) и съ обращеніемъ на этотъ-же предметъ продажи недвижимыхъ имѣній приходскаго духовенства; кромѣ того, Сейсмита Дода въ 1878 г., озабочиваясь этой-же цѣлью, настоялъ на отмѣнѣ закона 1874 г. о свободномъ помѣщеніи металлическихъ запасовъ и снова обязалъ банки беречь ихъ въ сохранности, до возстановленія размѣна.

Оба проекта были обсуждены въ свое время, приняты съ сочувствіемъ, но палата не рѣшилась на окончательное утвержденіе ихъ. Наконецъ, въ 1880 г. получившій снова портфель министра финансовъ Мальяни рѣшился взяться за это, столь давно ожидаемое и обѣщанное дѣло и довелъ его съ успѣхомъ до желаемого результата.

Человѣкъ обширнаго экономическаго образованія, знакомый съ административной практикой, хорошій юристъ и ораторъ, тонкій боецъ на трибунѣ, обладающій рѣдкимъ талантомъ и государственными способностями, Мальяни, со всею энергіею своего патриотизма и силою убѣжденій, увлекъ палату и общественное мнѣніе и покончилъ въ Италиі съ злою системой государственной несостоятельности въ денежномъ обращеніи.

Одно глубоко сознательное и ясное изложеніе доклада его о вредѣ для страны отъ обязательнаго курса во всѣхъ народно-хозяйственныхъ и политическихъ отношеніяхъ, о пользѣ и необходимости положить конецъ этому злу для желаемого возрожденія и успѣховъ дѣятельности и жизни народа и о возможности покончить сразу съ этимъ вопросомъ—имѣло непосредственнымъ послѣдствіемъ—исчезновеніе лажа. До такой степени проектъ отвѣчалъ народнымъ ожиданіямъ. Лажъ на золото, который держался еще въ 1880 г. вначалѣ на 13 проц., упалъ въ 1881 г. на 1,8 проц. и къ 1883 г. ко времени размѣна на $1/4$ проц.

Проектъ Мальяни состоялъ въ томъ, чтобы уплатить всѣ выпущенныя 940 м. лиръ въ консорціальныхъ билетахъ, частью звонкою монетою, частью государственными билетами, также размѣнными на звонкую монету. Изъ общей суммы—600 мил. лиръ обмѣнивались на звонкую монету; 340 м., замѣнивались государственными билетами въ 10 лиръ на 240 мил. и въ 5 лиръ на 100 мил.; для размѣна этихъ билетовъ были указаны въ разныхъ городахъ кассы казначейства. Для достиженія этой цѣли министру предоставлено было, по принятіи его проекта палатою и сенатомъ, заключить заемъ въ 644 м. лиръ.

По условіямъ займа, правительство выпустило 36.487,250 лиръ въ 5 проц. рентѣ, взамѣнъ которой контрагенты: 1) итальянскіе банкиры съ національнымъ банкомъ во главѣ; 2) англійскіе дома: братья Берингъ и Гамбро и сынъ, и 3) французская учетная контора въ Парижѣ,—обязались доставить въ 1881 и 1882 гг. Италиі въ натурѣ 444 м. лиръ золотомъ и 200 м. лиръ серебромъ.

Однимъ изъ большихъ затрудненій было собрать такую значительную сумму звонкой монеты. Контрагенты, тѣмъ не менѣе, исполнили свои обязательства въ срокъ; замѣтимъ мимоходомъ, что и наше отечество помогло Италиі. Болѣе 15 м. мет. рублей (въ полуимперіалахъ) поступили изъ золота, продававшася тогда, по приказанію министра изъ кассъ банка; ровно за годъ до нашего займа 50 м. р. золотомъ въ Берлинѣ за 6 проц. золотую ренту!!

Съ 12-го апрѣля 1883 г. начался въ Италиі размѣнъ и періодъ принудительнаго курса перешелъ въ исторію.

III.

И наше денежное обращеніе имѣетъ характеръ принудительнаго, потому что никто не имѣетъ права отказать отъ платежа со стороны должника и пріема по всякаго рода обязательствамъ кредитныхъ билетовъ по номинальной ихъ цѣнѣ; но, рядомъ съ этимъ и безъ спеціальнаго разрѣшенія сдѣлокъ на звонкую монету мы имѣемъ примѣры постоянныхъ сдѣлокъ на звонкую монету или съ расчетомъ по курсу, при покупкѣ иностранныхъ векселей на биржѣ, при сдачѣ золота отъ золотопромышленниковъ и въ разныхъ спеціальныхъ разрѣшеніяхъ, которыя существуютъ для нѣкоторыхъ кредитныхъ обществъ. Не говоря уже о правительственныхъ займахъ, которые сдѣланы спеціально въ золотой валютѣ и бумаги которыхъ свободно обращаются въ Россіи, мы можемъ указать на примѣръ трехъ значительныхъ группъ, которымъ были предоставлены спеціально сдѣлки на звонкую монету. Къ этому разряду принадлежали общества желѣзныхъ дорогъ, имѣвшія право выпускать облигаціи на звонкую монету, даже съ гарантіею правительства; общество взаимнаго поземельнаго кредита, которое выдавало займы подъ условіемъ платежей кредитными билетами по курсу золота, и, наконецъ, центральный банкъ, которому дозволено было, подъ залогъ приобретаемыхъ имъ заемныхъ обязательствъ въ кредитныхъ рубляхъ, выпускать съ своей стороны обязательства въ звонкой монетѣ.

Всѣ эти разрѣшенія и пользованія самимъ правительствомъ тѣми-же условіями въ своихъ займахъ, казалось, было весьма удобно и даже необходимо въ то время, когда денежное наше обращеніе, хотя и медленно, приходило къ основательной устойчивости и упорядочивалось постояннымъ возвышеніемъ курса кредитнаго рубля (1865—76).

Но въ настоящее время, послѣ разстройства какъ финансоваго положенія государства, такъ и денежнаго обращенія, вслѣдствіе чрезвычайныхъ выпусковъ изъ банка билетовъ на потребности послѣдней войны, послѣдствія указанныхъ выше исключеній изъ общаго закона оказались крайне неблагоприятными для заемщиковъ, по причинѣ сильнаго паденія курса кредитнаго рубля. Со времени войны правительство оказалось въ необходимости, по всѣмъ своимъ металлическимъ займамъ, приплачивать изъ бюджета значительную сумму, на которую оно не рассчитывало (болѣе 70 м. р.).

Общества желѣзныхъ дорогъ, выручая изъ своей эксплуатаціи суммы, достаточныя для платежа процентовъ и погашенія облигацій, если ихъ считать на кредитную валюту, оказываются въ дефицитѣ и требуютъ приплаты гарантіи со стороны правительства. Общество взаимнаго поземельнаго кредита, которое ссужало помѣщиковъ или землевладѣльцевъ деньгами изъ 5%, требуетъ съ нихъ въ настоящее время (до послѣдняго преобразования банка) 10%, вслѣдствіе паденія курса, и тѣмъ причиняетъ имъ окончательное разореніе.

Центральный поземельный банкъ, не производившій никакихъ операцій, которыя могли-бы подвергать его риску, теряетъ окончательно свой капиталъ, единственно вслѣдствіе выпуска облигацій на звонкую монету, вмѣсто кредитнаго рубля. Эти примѣры достаточно указываютъ на рискованность заключенія займовъ въ такой монетѣ, которой у насъ нѣтъ и цѣна на которую не зависитъ ни отъ воли, ни отъ благоразумія заемщика. Какъ въ Италіи, такъ и у насъ, слабая сторона подобнаго рода предложенія заключается, именно въ томъ, что главное вниманіе обращается на удобство или выгоду кредиторовъ снабжать своими свободными капиталами должниковъ, которые не могутъ ручаться за цѣнность возвращаемыхъ ими денегъ. Государственные интересы между тѣмъ требуютъ огражденія занимающаго отъ непомѣрныхъ обѣщаній, которыя онъ готовъ давать во время крайней и необходимой нужды. Подобнаго рода мѣры положительно не могутъ имѣть мѣста тамъ, гдѣ денежное обращеніе не приведено ни въ какой порядокъ и не имѣетъ основанія правильно и равномерно сокращаться и избѣгать постоянныхъ колебаній.

Повидимому, съ 1881 года у насъ не было никакого

новаго выпуска бумажныхъ денегъ; казалось, какая-бы могла быть причина постояннаго паденія денежнаго курса и обезцѣненія кредитныхъ билетовъ? Объяснить это однѣми политическими причинами или неблагоприятными дѣйствіями иностранной биржи крайне, чтобы не сказать болѣе, неосновательно. Еще съ 1881 года правительство приняло и заявило, предъ всѣми своими кредиторами, мѣру къ сокращенію денежнаго обращенія посредствомъ постепенной уплаты долга государственному банку по 50 милліоновъ рублей въ годъ. Въ теченіи времени банкъ сократилъ (изъ своего коммерческаго баланса, но не изъ общей суммы денежнаго обращенія) сумму кредитныхъ билетовъ на 150 милліоновъ рублей; тѣмъ не менѣе это сокращеніе нисколько не повліяло и не должно было повліять на возвышеніе денежнаго курса. Изъ 417 милліоновъ рублей, которые были къ 1881 г. временно выпущены банкомъ въ долгъ, исключительно на нужды государственнаго казначейства, во время послѣдней войны, осталось неуплаченнаго ему долга всего на 50 милл. рублей, между тѣмъ, въ балансѣ банка мы читаемъ, что въ народномъ обращеніи осталось еще 266 милліоновъ не погашенныхъ банкомъ временныхъ бумажныхъ денегъ. Въ силу закона 1-го января 1881 г., хотя банкъ и не былъ обязанъ, къ сожалѣнію, для пользы государства, немедленно сокращать временно усиленное денежное обращеніе, по мѣрѣ уплаты ему долга со стороны государственнаго казначейства, дабы не лишать, — какъ было сказано въ законѣ, — торговли необходимыхъ ей средствъ; тѣмъ не менѣе, изъ баланса банка съ того времени мы не видѣли никакихъ причинъ, никакихъ торговыхъ потребностей, которыя могли-бы оправдать подобный новый выпускъ кредитныхъ билетовъ со стороны банка.

Изъ числа статей баланса, которыя приняли въ его активѣ значительное приращеніе, мы поражаемся огромною и не согласною съ уставомъ банка затратою денегъ, ему возвращенныхъ, или для уничтоженія, или для потребностей торговли, на пріобрѣтеніе процентныхъ бумагъ. Такихъ бумагъ находится нынѣ въ банкѣ болѣе чѣмъ на 240 милл. руб., независимо отъ чрезмѣрнаго усиленія залоговъ по спеціальному счету и не столько для частныхъ лицъ, сколько для правительственныхъ учреждений, какъ это всѣмъ извѣстно. Изъ этого можно и должно вывести справедливое заключеніе, что, собственно, уплаты банку, на погашеніе выпущенныхъ во время войны кредитныхъ билетовъ, въ дѣйствительности не произошло. Вмѣсто прежде показываемаго въ балансахъ банка долга государственнаго казначейства, сумму эту заняли такого-же рода долги и болѣе постоянные, въ видѣ вновь созданныхъ процентныхъ бумагъ, которыя сданы были банку, безъ права пользованія процентами и права продажи ихъ для обмѣна на кредитные билеты.

Рядомъ съ этимъ мы видимъ и въ металлическомъ фондѣ значительное приращеніе металла въ обезпеченіе кредитныхъ билетовъ постояннаго выпуска. Казалось-бы, мѣра эта съ своей стороны должна-бы значительно повліять на улучшеніе денежнаго курса; но, между тѣмъ, и этого улучшенія не произошло. И быть можетъ потому, что рядомъ съ увеличеніемъ звонкой монеты въ фондѣ на 40 милл. появилось, не согласно съ кореннымъ закономъ о кредитныхъ билетахъ (1843 г.), новое увеличеніе кредитныхъ билетовъ, но не на 40 милл., а на 63 мил. рублей.

Такимъ образомъ, банкъ сократилъ изъ временнаго своего выпуска денежное обращеніе на 63 мил. рублей, но долгъ этотъ частью снова появился въ статьѣ: долгъ казны за кредитные билеты въ суммѣ 23 мил. рублей приращенія. Звонкая-же монета по закону считается въ металлическомъ фондѣ рубль за рубль *). Эта передача 40 милліоновъ въ металлическій фондъ съ соотвѣтствующимъ выпускомъ не 40, а 63 мил. р. прошла даже незамѣченной со стороны нашей публики; но она совершилась противъ укоренившагося понятія о металлическомъ резервѣ банка и показала собою на новое явленіе выпуска кредитныхъ билетовъ

*) Этотъ коренной законъ, сохранившій силу и во время пріостановленія размѣна, служитъ доказательствомъ, что наше правительство не допускаетъ въ принципѣ и мысли о девальваціи.

со стороны государства, без всякаго обезпеченія. Не придавая же особеннаго значенія этой суммѣ 23-хъ милліоновъ, по ея ничтожности сравнительно съ общей массою кредитныхъ билетовъ, мы не можемъ не указать на то, что способъ передачи возстановилъ опять то незавидное право государства пользоваться выпускомъ бумажныхъ денегъ, какъ финансовымъ чрезвычайнымъ средствомъ, отъ котораго оно отказалось съ 1860 года, то-есть со времени преобразованія государственнаго банка. Билеты, выпущенные во время войны банкомъ, такъ называемые временные, не могутъ представлять въ денежномъ обращеніи большого опасенія, потому что всѣ они вышли изъ банка подъ какое-нибудь обезпеченіе или долгъ, въ платежѣ котораго рано или поздно не можетъ быть никакого сомнѣнія. Наоборотъ, билеты металлическаго фонда представляютъ собою долгъ постоянный, о погашеніи котораго никогда не было у насъ даже никакихъ законоположеній. Сумма этого долга до 1887 г. не возрастала ни разу съ 1860 г., т. е. съ той поры, какъ государство отказалось отъ выпуска билетовъ, какъ отъ финансоваго чрезвычайнаго способа.

Изъ всего этого нельзя не вывести заключенія, что наше денежное обращеніе не только не стремится къ своему уменьшенію или упорядоченію, но, напротивъ, поддерживается на рынкѣ безъ всякой потребности со стороны работающаго класса народа. Ясно, что при такомъ положеніи въ собственномъ денежномъ хозяйствѣ,—не политическія осложненія, которыхъ и не было въ первое время, не частная злонамѣренная спекуляція берлинскихъ игроковъ, на которыхъ такъ у насъ любятъ и такъ легко ссылаться, являются причиною не только колебанія, но и постояннаго, прогрессивнаго паденія курса кредитнаго рубля. Не кроется ли этому причина скорѣе въ постоянно колеблющейся степени довѣрія къ той или другой мѣрѣ въ сферѣ финансовыхъ и денежныхъ явленій? Могутъ-ли помочь въ этихъ обстоятельствахъ и въ чемъ, именно, правительственныя разрѣшенія сдѣлокъ на звонкую монету?

До тѣхъ поръ, пока заемщикъ не будетъ обезпеченъ въ устойчивости курса тѣхъ денегъ, на которыя онъ составляетъ условія, — разрѣшенія или останутся безъ дѣйствія, или разорятъ должника, при дальнѣйшемъ упадкѣ курса бумажныхъ денегъ, а чѣмъ болѣе будетъ сумма или итогъ подобныхъ займовъ, тѣмъ вѣрнѣе можно рассчитывать на послѣдовательность пониженія. Причина такого видимаго паденія бумажнаго рубля гнѣздится не внѣ государства, а въ немъ самомъ. Италия, въ теченіи 17 лѣтъ своего принудительнаго обращенія, не забывала ни одного года лежавшей на правительствѣ обязанности возстановить металлическій размѣнъ банковыхъ билетовъ и принимала всѣ мѣры къ достиженію этой цѣли.

Къ сожалѣнію, въ Россіи денежное обращеніе, сдѣлавшись второй разъ въ исторіи исключительно бумажнымъ, неразмѣннымъ и единственнымъ орудіемъ мѣны и мѣриломъ всѣхъ цѣнностей: труда, услугъ, произведеній и капиталовъ, не можетъ и до сихъ поръ прійти къ прочному неизмѣнному основанію.

Кто у насъ съ полнымъ сознаніемъ дѣла могъ-бы теперь отвѣтить на задаваемый нашими кредиторами и нами самими вопросъ: какія основы нашего денежнаго обращенія?

Манифестъ-ли 1-го іюля 1843 г. о кредитныхъ билетахъ съ послѣдующимъ манифестомъ 1853 г.; указъ-ли о преобразованіи государственнаго банка въ

1860 году съ возложеніемъ на него обязанностей по упроченію денежнаго обращенія; законъ-ли 1-го января 1881 г. о погашеніи временнаго выпуска и, наконецъ, не сепаратныя-ли разрѣшенія 1887 г. къ выпуску билетовъ подъ обезпеченіе золота не рубль за рубль, а по курсу?

При этихъ условіяхъ неопредѣленности основаній можно-ли указать на размѣры возможныхъ колебаній курса или на предѣлъ его паденія?

Фактически курсъ рубля не можетъ упасть ниже 21 к. металла, по размѣру 211:1000 металлическаго фонда; но до чего онъ можетъ и долженъ дойти выше—это зависитъ отъ довѣрія, потребностей торговыхъ оборотовъ и финансоваго хозяйства государства.

Въ дѣлѣ бумажнаго денежнаго обращенія пародное довѣріе играетъ огромную роль; по оно не можетъ служить ему единственнымъ основаніемъ, въ особенности, когда государство не живетъ замкнутою жизнью, а поддерживаетъ внѣшнія торговыя отношенія и заключаетъ долги въ другихъ государствахъ.

Собственные интересы государства требуютъ признанія общихъ всемірныхъ основаній кредита и устройства денежной системы на болѣе незыблемой почвѣ, чѣмъ на одномъ слѣпомъ довѣрїи, которое также слѣпо поддается неожиданностямъ, даже самымъ неосновательнымъ, и всякаго рода превратнымъ толкованіямъ.

Разъ допущенное разстройство въ денежное обращеніе государства становится зломъ, подѣдающимъ въ корнѣ весь экономическій организмъ. Бороться съ нимъ слѣдуетъ безъ потери времени и непрестанно. Надѣяться на частныя, не органическія мѣропріятія значило бы обманывать себя на время и откладывать развитіе болѣзни до той степени, когда леченіе становится напраснымъ.

Въ Россіи, съ перваго пріостановленія размѣна, во время крымской войны, слѣдовательно уже въ теченіи тридцати пяти лѣтъ, не было принято никакихъ энергическихъ мѣръ, которыя указывали-бы на заботы правительства возстановить прочность въ денежномъ обращеніи страны.

Манифестъ Императора Николая, въ 1853 году, разрѣшавшій министру финансовъ выпускъ кредитныхъ билетовъ на потребности войны и требовавшій изыатія всѣхъ вновь выпущенныхъ билетовъ черезъ три года по заключеніи мира, остался забытымъ и неисполненнымъ. Слабая попытка 1862 г. сократить денежное обращеніе размѣномъ билетовъ на звонкую монету осталась безъ успѣха и неоконченною по причинамъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться. Погашеніе долга банку, выраженное въ законѣ 1-го января 1881 года, сдѣлалось черезъ нѣсколько лѣтъ мертвою буквою и осталось безъ фактическаго исполненія. Временно выпущенные билеты, оставшіеся на рынкѣ, не могли не произвести постепеннаго своего разрушающаго вліянія на цѣнность остальнаго денежнаго обращенія. Всѣ другія мѣры къ поддержанію курса были только искусственными палліативами, которые не сопровождались никакими положительно полезными результатами. Что могутъ сдѣлать въ этихъ условіяхъ сдѣлки на звонкую монету, когда нѣтъ основаній и потеряна всякая система въ бумажномъ неразмѣнномъ обращеніи?

Е. Ламанскій.

19-го марта 1888 г.

63376

